

Ю. В. СТЕННИК

**ПОЛЕМИКА О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ
В ЖУРНАЛАХ 1760–1780-х ГОДОВ**

В 1783 году в III части журнала «Собеседник любителей российского слова» были помещены вопросы, посланные Д. И. Фонвизиним в редакцию и затрагивавшие важнейшие стороны тогдашней общественно-политической жизни. Отвечать на них взялась сама императрица, бывшая негласным соиздателем журнала. Среди многих других последним, под номером 20, значился вопрос: «В чем состоит наш национальный характер?» Екатерина II ответила на него решительно и кратко: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных».¹

Принято считать, что этот заочный диалог сатирика с императрицей послужил исходной точкой для обращения к проблеме национального характера в русской литературе последней четверти XVIII века. Будучи осмыслена в контексте фактов национальной истории, проблема стала оплодотворяющим фактором, определившим пафос многих произведений тех лет. Она получила отражение в пьесе Екатерины II «Из жизни Рюрика» (1786), в трагедиях Я. Б. Княжнина «Рослав» (1783) и «Вадим Новгородский» (1789). Ей посвятил программную статью в журнале «Зритель» П. А. Плавильщиков «Нечто о врожденном свойстве душ российских» (1793), а в журнале «Корифей» (1802) появилось «Мнение о характере русских». Тема исконных добродетелей национального характера предков россиян затрагивалась и в прозе Н. М. Карамзина — в повестях «Наталья, боярская дочь», «Лиодор», а также в «Письмах русского путешественника».

Однако в общем контексте событий литературной жизни 1760–1790-х годов обращение Фонвизина в редакцию «Собеседника...» со своим вопросом о свойствах национального характера русских следует рассматривать не как начало, а как завершение полемики, имевшей свою историю и своих оппонентов задолго до Фонвизина.

В январе 1769 года в Петербурге начал анонимно выходить журнал «Всякая всячина». Инициатором и одним из основных участников этого

¹ Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2-х т. М., Л., 1959. Т. 2. С. 275.

издания была сама императрица Екатерина II. На скрытую политическую подоплеку данной акции Екатерины II уже не раз указывали исследователи литературы XVIII века.² Но не подлежит сомнению и тот факт, что инициатива императрицы дала импульс возникновению новых веяний в литературной жизни своего времени. Резко активизировалась журнальная периодика, разрабатываются новые формы жанров прозаической сатиры, а главное, впервые в русской литературе в ходе журнальной полемики обозначилось противостояние демократически настроенных литераторов идеологическим установкам правительства. Проводником таких установок выступала «Всякая всячина», и в полемике с нею многие волновавшие общественность вопросы стали предметом открытого обсуждения. В числе других вопросов, вызвавших обостренный интерес со стороны читательских кругов и отдельных писателей, был вопрос о состоянии отечественных нравов, впервые выдвинувший на передний план проблему национального характера. Инициатором в ее постановке явилась как раз «Всякая всячина», первая предпринявшая обсуждение свойств национального русского характера, но весьма специфическим способом. В листе 5 журнала редакция поместила письмо от некоего Евдокима Примечаева (в мистификации этой корреспонденции не приходится сомневаться), в котором тот сообщал о своем увлечении с молодых лет изучением обычаев и нравов разных народностей, «дабы их начало спознать». «Часто я видел или думал по крайней мере видети, что не все то народу какому ни есть природно, что у него в обыкновении». И далее Примечаев конкретизировал свою мысль: «...много о чем мы думаем, что то есть или был наш обычай; напротиву того он к нам прильнул от старинных злодеев наших *Крымских Татар*. Смело можно разделить наши обычай на два рода: первые — *природные*, другие — *Татарские*. Все хорошие обычай суть природные Российские; все же дурные суть Татарские. В следующей росписи усмотреть можете некоторую часть последних, но я признаться должен, — замечает автор письма, — что она не весьма полна; со временем оную дополню».³

«Роспись» татарских обычаев «Всякая всячина» не сочла нужным публиковать, оставив ее у себя, «чтобы делать из оной употребление». Но письмо Примечаева было в журнале помещено. В том, что это письмо было инициировано «Всякой всячиной», трудно сомневаться, ибо о явной солидарности с мыслями г. Примечаева издатели журнала поспешили заявить тут же при его публикации: «В прочем мысли сего нашего корреспондента мы принимаем за законно рожденные наши и весьма ему благодарны за сообщение их».⁴ Последствия не заставили себя ждать.

Уже в следующем 6-м листе журнала, комментируя письмо, по-видимому также явно мистифицированное, от некоей Агафьи Хрипухиной, издатели «Всякой всячины» сделали «употребление» росписи г. Примеча-

² Подробно этот вопрос рассмотрен в монографии П. Н. Беркова «История русской журналистики XVIII века» (М.; Л., 1952. С. 156–265); см. также соответствующий раздел монографии: Стешик Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л., 1985. С. 216–257.

³ Всякая всячина. <СПб>, 1769. С. 35–36.

⁴ Там же.

ева. Та предложила осудить дурную привычку некоторых людей не держать данного ими слова. Редакция воспользовалась поднятым Хрипухиной вопросом, чтобы напомнить своим читателям об исконных нравах: «...не сдержатъ данного обещания есть обычай по сообщенной нам росписи, о коей упоминается под числом 11 „Всякой всячины“, *Крымских татар*: а старинный российский есть — сдержатъ данное слово, дабы не стыдно было, тут же изъятия нет, в безделице ли, или в важном деле; ибо обман все есть обман».⁵ Обращает на себя внимание подчеркивание региональности обычаев: речь идет именно о крымских татарах, что было далеко не случайно, как мы увидим ниже.

Вновь отсылка к росписи татарских обычаев г. Примечаева встречается в листе 11, где издатели журнала отвечали на вопрос некоего Агаба Саманукова «мотать ли ему или ворчать, что на ум взбредет?»⁶ После успокоительных советов своему корреспонденту относительно линии поведения по части мотовства редакция заключила свои рекомендации следующим рассуждением: «Мотать же и ворчать, что на ум взбредет, думаем, неприлично никому, а еще менее клевать, злословить и просмеивать ближнего. Мода же таковая никогда не есть и не будет общая всем, а только той части людей, кои следуют *Татарским обычаям*».⁷

И еще в листе 20 под № 59 в одном из пунктов росписи жалоб, присланных от неизвестного корреспондента, следовала ссылка на *Татарские обычаи*, заключающие в себе «совокупленно невежливость, жадность и зависть».⁸ Данный материал является, по всей вероятности, переводным.

В подобной обстановке, вполне устраивавшей редакцию «Всякой всячины», протекало обсуждение инспирированного ею же вопроса. Отклики реальных и мнимых корреспондентов подтверждали позицию. Но были и другие мнения.

В числе литераторов, включившихся в обсуждение поднятого на страницах «Всякой всячины» вопроса, оказался и А. П. Сумароков. Известный драматург, создатель сборника остросатирических басен, язвительный публицист, он выступил оппонентом курируемого императрицей журнала. Он пишет коротенькую статью «Противуречие г. Примечаеву», в которой оспорил главное утверждение корреспондента «Всякой всячины» о влиянии татар на развращение нравов наших предков. «Татары, не только благородные, но и остатки низайших их отраслей, суть люди добрые: а народы их в добродетели всегда были отличны; и тако нравы их не могли нас никаким заразить худом».⁹ Опровергая утверждения г. Примечаева, Сумароков попутно выдвигает собственную версию генезиса российского этноса и указывает на факторы, которые, по его мнению, определяли формирование отечественных нравов на самых ранних ступенях становления российской государственности. Естественно, источник падения нравов россиян он видит совсем в другом.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Там же. С. 81.

⁷ Там же. С. 83. (Курсив мой. — Ю. С.)

⁸ Там же. С. 157.

⁹ *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. М., 1787. Ч. IX. С. 314.

Есть серьезные основания предполагать, что первоначальные планы Сумарокова были связаны с публикацией своего эссе на страницах «Всякой всячины». Он был в числе первых корреспондентов этого журнала, где в листе 10 были опубликованы две его басни («Ось и бык» и «Блоха»). По-видимому, ознакомившись с содержанием «Письма г Примечаева», он тут же отреагировал на него, послав издателям свою критическую заметку, выдержанную в резко полемических тонах. Однако редакция не сочла возможным поместить подобный материал на страницах своего журнала. Статья Сумарокова была опубликована анонимно в одном из февральских номеров другого журнала — издания М. Д. Чулкова «И то и сию». Косвенным свидетельством того, что материал, посланный Сумароковым во «Всякую всячину», не остался незамеченным, может служить несколько странный отклик на помещенное в листе 12 явно мистифицированное письмо в редакцию журнала от некоей Леонильды Критюхиной под названием «Критика без разума глупость». Вслед за помещением письма следовала короткая приписка от издателей «Всякой всячины» извещавшая, что «Письмо Акинфия Сумасбродова не будет внесено во Всякую всячину для того, что рыбак рыбака далеко в плесе видит».¹⁰ Есть основания полагать, что под именем Акинфия Сумасбродова имелся в виду не кто иной, как Сумароков, пославший в редакцию журнала свои возражения на письмо г. Примечаева. Возникает, правда, вопрос, что имели в виду издатели «Всякой всячины», приводя несколько видоизмененную народную пословицу «Рыбак рыбака видит издалека», ибо в ней содержался явный намек на скрытую солидарность с позицией Акинфия Сумасбродова, письмо которого тем не менее редакция отказывалась помещать на страницах журнала.

Для ответа на этот вопрос следует вновь вернуться к статье Сумарокова и рассмотреть его аргументацию в споре с г. Примечаевым относительно истинных причин упадка российских нравов. К решению этой проблемы Сумароков подходит исторически, обращаясь к истокам формирования русского этноса.

Сумароков исходит из убеждения, что свое происхождение наши славянские предки вели от кельтов, родственных скифам, и что самое первое развращение нравов они получили от *Сарматов* (предков поляков), завоеванных ими и влившихся в общеславянскую семью. Устанавливая скифские корни древних славян, Сумароков выводил представление о нравах своих предков через сопоставление их с нравами Европейцев, которые и сравниваются с Татарами: «Жестокосердые люди во всех народах сыскиваются»,¹¹ — замечает он. Жестокость скифских нравов отличается от жестокости европейцев, по мнению Сумарокова, только тем, что она обнажена, в то время как у европейцев она таится «под маскою, ради прикрытия от малоумных людей. <...> Лютый Татарин огрызается, лает и кусает; изгнанный из своего отечества Француз ластится, ласкает и кусает; но тот пес, что, ластясь, кусает, опаснее. Предки наши никогда лаянию Татар не подражали, а подражали только их

¹⁰ Всякая всячина С 96

¹¹ Сумароков А П Полн собр всех соч Ч IX С 315

истиннолюбию и геройству, которым они и сами не меньше их исполнены были...»¹²

Как видим, Сумароков не столько дистанцирует нравы славянских предков от татарских, сколько сближает их в противопоставлении лицемерию французов, хотя о каком-либо отождествлении российских нравов с татарскими, как это часто делали европейские авторы, у Сумарокова также речи не идет: «Я очень далек от того,— продолжает он,— чтобы Татар Французам предпочтитель; ибо у Татар нет ни единых школы. Но не было бы худа, ежели бы и у Французов школ было поменьше. <...> Истинная наука приводит к познанию Божества и человечества, а суетное и обремененное мудрование приводит к заблуждению, суеверию и безбожию. Татары имели основание на мужестве и истине, и нас никогда не портили; а портят благородное Российское юношество французские худонравные учителя. <...> Вот причина нашего развращения, а не Татары».¹³

Редакция «Всякой всячины» не сочла возможным поместить посланное Сумароковым возражение на страницах своего журнала. Прежде всего это противоречило ее долгосрочным планам, с которыми было связано помещение во «Всякой всячине» материала, провоцировавшего обсуждение вопроса о татарских нравах в нужном ей русле. Кроме того, совершенно неожиданно Сумароков, по-видимому, сам того не подозревая, обнажил в своем возражении скрытую подоплеку всей затеянной Екатериной II игры вокруг вопроса об исконных русских нравах, когда перевел обвинения г. Примечаева с татар на французов.

Для понимания последнего обстоятельства очень важно, что в том же 5-м листе «Всякой всячины» сразу же после письма Евдокима Примечаева под № 13 была помещена еще одна, явно мистифицированная, корреспонденция от некоего *Адама Адамовича Варгейта*, серебряника (т. е. серебряных дел мастера), сообщавшего издателям журнала о своем знакомце, учителе-французе, бывшего до этого сапожником, солдатом и кучером. Этот француз отдал на лом Варгейту серебряную медаль со странным изображением на ней: «Представляет она с одной стороны Султана Турецкого, на престоле сидящего, из которых один наднес меч на главу простертого у ног султанских человека: лилеи, изображенные на порфире его, поднесенные им в мешках деньги, лежащие у подножия престола; все сие довольно показывает, откуда, кто и для чего сей в рабском виде представленный человек. Но другая сторона медали еще боле то изъясняет в следующей надписи: „Друг Турок, друг Алжирцев, друг варваров, ненавистник и гонитель христиан“».¹⁴ Приятель ювелира, которому Варгейт показал медаль, так откомментировал надпись: «нечему де дивиться, что бывало, то есть и будет».

Издатели журнала в свою очередь сопроводили публикацию письма Адама Адамовича следующим заключением: «Спасибо господину Варгейту, что он свету открывает такие великие правды. О сем только сказать

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 315–316.

¹⁴ Всякая всячина. С. 40.

можно : O tempora! O mores! то есть: О времена! О нравы!»¹⁵ Антифранцузская направленность письма г. Варгейта не подлежит сомнению, и помещение подобной корреспонденции на страницах журнала, издававшегося под патронажем императрицы, становится понятным в свете той роли, которую взяла на себя Франция, выступившая тайной союзницей Турции во время русско-турецкой войны 1768–1772 годов. На явно мистифицированный характер данного письма указывает и фамилия корреспондента — *Vargeйт*, калька с немецкого слова *Wahrheit*, что в переводе на русский язык означает «правда», «истина». Так раскрывается скрытый смысл затеянного на страницах «Всякой всячины» обсуждения обычаев «крымских татар», якобы испортивших нравы наших предков.

В свете сказанного становится понятным, почему редакция «Всякой всячины» не поместила «Противуречие г. Примечаева» на страницах своего журнала, хотя, казалось бы, позиция Сумарокова в его нападках на французских учителей не только не противоречила позиции «Всякой всячины», но и была с ней фактически солидарна. Можно предположить, что свое полемическое письмо в журнал по поводу нравов Сумароков отправил вскоре после того, как там стали появляться материалы, развивавшие затронутую г. Примечаевым тему.

Кстати, Сумароков был не одинок в своем несогласии с позицией «Всякой всячины» относительно влияния татар на русские нравы. Очень скоро у него появились союзники. В том же журнале «И то и сию» в последнем февральском номере (№ 8) было опубликовано еще одно письмо к издателю журнала с выражением солидарности с позицией, заявленной в «Противуречии г. Примечаеву». Автор письма, выступивший под псевдонимом «Елисей Прямиков», прямо заявляет: «Вы справедливо в защите их (татар. — Ю. С.) от тово говорите, что они суть благородны и добры. <...> По рождению моему хотя я и руской, однако могу смело выговорить не собою одним, но вместе с теми, кои с народом сим в обхождениях довольно обращались, что они суть истиннолюбы, справедливы во всем и хранят добродетели тцательно, по начальному их на том основании».¹⁶ И в конце письма неизвестный сторонник Сумарокова также указывает на Сарматов как первых виновников развращения нравов российского народа.

Именно этот скрытый диалог между журналами помогает понять смысл обсуждения на страницах «Всякой всячины» вопроса о причинах развращенности российских нравов. Смысл этого проясняется в контексте двух обстоятельств. Во-первых, актуализации данного вопроса способствовала начавшаяся в 1768 году война России с Турцией, в которой крымские татары, всегда находившиеся в вассальной зависимости от турок, выступали их традиционными союзниками. И во-вторых, скрытый полемический подтекст инициированного Екатериной II спора о российских и татарских нравах объяснялся еще одним обстоятельством — выходом во Франции из печати роскошно изданной книги аббата Шаппа д'Отроша, посвященной России под названием «Путешествие в Сибирь <...> содер-

¹⁵ Там же.

¹⁶ «И то и сию». <СПб>., 1769. Февраль. № 8. Без пагинации.

жащее в себе нравы и обычаи русских и теперешнее состояние этой Державы» (Париж, 1768).

Член Королевской академии наук Шапп д'Отрош посетил Россию в 1761–1762 годах с целью проведения астрономических наблюдений в Тобольске и после своего возвращения во Францию выпустил книгу о России в двух томах. Имевшая форму путевых заметок книга содержала множество сведений о быте русских людей, их нравах, о культуре и экономике России, ее истории, о системе политического правления страны. В то же время книга была написана в высокомерно пренебрежительном тоне и содержала немало оскорбительных для национального достоинства русских высказываний, подчас граничивших с домыслами. Много нелестного было высказано и относительно системы государственного правления, существовавшего в России, форму которого Шапп д'Отрош подчеркнуто определял как деспотическую. В деспотизме власти он видел главное препятствие на пути приобщения русских к просвещению и благам цивилизации: «Любовь к славе и отечеству неизвестны в России; деспотизм в ней заглушает ум, талант и всякого рода чувства; самая к тому способность утрачивается униженной и зарубелюю душою. Страх есть, так сказать, единственная пружина, движущая народом».¹⁷

Все это, естественно, не могло понравиться Екатерине II, и она параллельно с изданием «Всякой всячины» скрытно организовала, не без помощи привлеченных ею помощников, выход другой книги, полемически направленной против сочинения французского астронома с целью нейтрализовать тот отрицательный эффект, который оно могло оказать на общественное мнение Европы. Книга была опубликована в Петербурге анонимно на французском языке под названием «Antidot, ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Sibérie...» (1770) («Противоядие, или Проверка дурной книги, превосходно изданной под заглавием: Путешествие в Сибирь...»). В 1771 году книга была переиздана в Амстердаме. Подробно страница за страницей сочинение Шаппа д'Отроша подвергалось в «Антидоте» придирчивому разбору. Екатерина не простила французам ни одной ошибки, уличая его в многочисленных несуразностях, незнании истории и нравов России, а то и в откровенной предвзятости.¹⁸ Но главное, что определяло пафос полемики, это отстаивание национального достоинства россиян, утверждение чистоты нравов и верности русских обычаям предков: «Никогда не было народа, который бы более управлялся нравами и обычаями, чем наш»,¹⁹ — заявляла Екатерина II в пику утверждениям французского автора о приверженности русских к страху под воздействием деспотии.

Таким образом в книге Шаппа д'Отроша Россия изображалась варварской страной, а ее народу вообще отказывалось в способности достиг-

¹⁷ Оснадцатый век. М., 1869. Т. 4. С. 449.

¹⁸ Данный вопрос рассматривается в статье: *Стенник Ю. В.* Идея «древней» и «новой» России в литературной и общественно-исторической мысли второй половины XVIII века. (Екатерина II, И. Н. Болтин, М. Щербатов) // *Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.)*. СПб., 1997. Вып. 2. С. 17–21.

¹⁹ Оснадцатый век. С. 450.

нуть каких-либо успехов в науках и искусствах. Здесь французский астроном имел своеобразного союзника в лице философа Ж.-Ж. Руссо: «Быть может, если верить г-ну Руссо из Женевы, было бы желательно, чтобы этого народа никогда не коснулось просвещение».²⁰ И оба они, в сущности, следовали традиции, распространенной в Европе, согласно которой между нравами русских и татар не существовало большой разницы. Этой точки зрения придерживался сам Вольтер в своем широкоизвестном историческом труде «Siècle de Louis XV» (1751) («Век Людовика XV»): «Прежде (т. е. до Петра I. — Ю С) эта держава (Россия. — Ю С) была пространною степью; ее народ не имел ни законов, ни благоустройства, ни просвещения и во всем походил на татар..»²¹ В подобных утверждениях Вольтер основывался на тех сведениях о России, которые он мог черпнуть из сочинений других историков, в частности, из книги Ф. И. Страленберга об истории и географии России. Шведский капитан Страленберг, долго живший в России, в 6-й главе «О государствении императора Петра Великого» утверждал, что до времени правления Петра I «Россия даже до сего веку почиталась за варварской, языческой и татарам подобный народ и что оной ни к чему не способен».²²

В книге Шаппа д'Отроша подобные взгляды на Россию получили свое логическое развитие, а в обстановке русско-турецкой войны 1768–1774 годов, в которой Франция скрытно выступала союзницей Турции, создание негативного облика России служило политическим интересам французского правительства. Этим объясняется официальная поддержка, которую издание данной книги получило во Франции. И это прекрасно осознавала Екатерина II, заметившая в комментариях на книгу Шаппа д'Отроша: «Россия заградила путь властолюбию французов; не имея возможности побороть ее, они говорят о ней как можно больше дурного, чтобы ей отомстить. Милая нация <...> это в тоне наушника Мустафы».²³

Именно в данном контексте следует оценивать и затеянное Екатериной II на страницах «Всякой всячины» обсуждение вопроса о причинах упадка отечественных нравов и о пагубном влиянии, якобы оказанном на русских со стороны татар. Причем, как уже указывалось выше, основным объектом нападок избирались как раз союзники Турции — крымские татары. Сумароков, возражая г. Примечаеву, невольно обнажил скрытую политическую подоплеку этой журнальной игры, когда назвал французских учителей подлинными виновниками в развращении отечественных нравов. Впрочем, издатели «Всякой всячины» были внутренне солидарны с такой позицией. Мало того, в одном из ближайших номеров журнала татарские нравы были прямо отождествлены с турецкими. В № 13 «Всякой всячины» (л. 38) в письме от некоего помещика *Ефима Трудолюбивова* (корреспондента, по всей вероятности, так же точно мистифицированного) тема национальных обычаев вновь всплывает. Ссылаясь на сообщенную

²⁰ Там же С 455

²¹ *Voltaire* Siècle de Louis XV Nouvelle édition Lausanne, 1769 T I P 47

²² Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого Ч I М, Л, 1985 С 108

²³ Осмнадцатый век С 230

в письме г Примечаева «*роспись об обычаях, пришедших на Русь от Татар*», корреспондент обращался к издателям журнала с просьбой прислать в оной росписи, откуда пришел в Россию обычай стыдиться в глазах окружающих любви к своей жене и открыто демонстрировать о наличии у кого-либо из супругов любовных связей на стороне С этим обычаем он, приехав из деревни, столкнулся в городском свете, где ему разъяснили, что даже в Петербурге «только одним мешанам свойственно любить жен своих, и что нам это неприлично, а у нас и то пропускается меж глаз, когда жена от мужа любовника имеет, да и муж < > сам также ей изменяет»²⁴

Автор письма ссылался при этом на своего дедушку, который учил его любить свою будущую жену так же, как он любил бабушку, горячо и неизменно всю жизнь, и отсюда делал вывод, что «сей обычай есть не Российский»

Ответ издателей полностью соответствовал их позиции «стыдиться имети жену есть обычай Татарский Ибо у Турок и у Крымских татар неучтивство спросить в добром ли здравье жены и дети? А гнушаться показаться вместе с женою в людях есть обычай французский Итак, болячку, на кою жалуется господин Трудолюбивов < > мы не можем за иное что почесть, как за дурный Татарофранцузский обычай, а отнюдь оный не Русский Праотцы наши любили жен своих как самих себя»²⁵ Таким образом, в комментариях редакции «Всякой всячины» семейные обычаи крымских татар, турок и французов объявляются едва ли не тождественными

Последняя точка в обсуждении этой темы на страницах «Всякой всячины» была поставлена в ноябрьском листке, где под № 132 редакция поместила обращенное к ней письмо от корреспондента, скрывшегося под псевдонимом «Стоиков» Автор письма вновь отсылал внимание читателей журнала к корреспонденции г Примечаева, но категорически отвергал выдвинутую им версию вредного влияния татарских нравов на формирование национального характера русских «мне сие доказательство невероятным кажется потому, что сколько у нас есть выезжих князей и знатей Татарских, кои здесь в великие произошли достоинства, они их получили не по худым природным им обычаям и нравам, но по благородным и добрым Так почему же быть прильнутой к нам от них худобе, когда в них этого не примечено было?» Корреспондент не ограничивается реабилитацией татар, но противопоставляет точке зрения г Примечаева уже высказывавшуюся версию относительно источников ухудшения российских нравов Такой источник он находит не на востоке, а на западе «Прежняя Российская история довольно свидетельствует, что когда Славяне, от коих мы происхождение имеем, по покорении Сарматов с ними смешались, то сии худые обычаи и нравы от них в наследие нам достались Итак прямо можно сказать, что г Примечаев, рассматривая только поверхность обрядов всех областей, взял отрасль сию от Татар несправедливо»²⁶

²⁴ Всякая всячина С 300

²⁵ Там же С 302

²⁶ Там же С 351–352

По сути дела, неизвестный корреспондент, скрывшийся под псевдонимом «Стоиков», повторяет аргументацию Сумарокова, в свое время не принятую редакцией «Всякой всячины». Теперь она была вынуждена согласиться с оппонентом, сопроводив публикацию письма сдержанной репликой: «Сие письмо само собою говорит, и нужды не имеет в комментарии».²⁷

Одним из результатов этой полемики можно считать инициативу Н. И. Новикова, начавшего в 1773 году выпускать периодическое издание «Древняя Российская Вивлиофика». В нем должны были публиковаться исторические документы, отражавшие многовековое развитие допетровской Руси, — важнейшие события ее политической жизни, юридические акты, вплоть до свидетельств бытового уклада жизни разных социальных слоев. В обращенном к современному читателю предисловии Новиков прямо указывал на потребность в обществе знать «описания обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся. <...> Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземских народов, но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных; но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче гнушаться оными».²⁸ Poleмичность этого предисловия, содержащего отсылку к источнику клеветы на русские нравы в лице аббата Шаппа д'Отроша, имеет своим прямым адресатом сограждан, «напоенных Сенским воздухом». И противодействовать подобным взглядам призвано было служить издание Новикова. В сохранении памяти о нравах и обычаях предков он видел залог освобождения от пагубного влияния на соотечественников слепого поклонения перед французской модой. Пафос утверждения исконной добродетельности нравов россиян пронизывает и содержание журнала Новикова «Кошелек» (1774), последнего из осуществленных им периодических изданий 1770-х годов. Наиболее показательный в этом отношении материал помещен в № 2 и 3, где опубликованы два сатирико-публицистических диалога: «Разговор между россиянином и французом» и «Разговор между немцем и французом». В этих диалогических сценках своеобразно раскрываются нравственные качества представителей трех народов — доброта и простосердечие русского, честность и обстоятельность немца, пронырливость и коварство француза, берущего в долг обманом у русского деньги и тут же обливающего грязью нравы и духовные качества целого народа. Союзником и невольным защитником обманутого русского выступает немец, приехавший в Россию для приискания себе должности на научном поприще. Именно он обличает обман и невежество француза, претендующего выступать воспитателем дворянских русских детей. И именно ему принадлежат слова о достоинствах русских людей, которые в «остроте, разуме и проницании» не уступают французам, а в «твердости, терпении и прилежании» их даже превосходят. Показательно, как в рассуждениях немца, чье мнение полностью совпадает с позицией издателя

²⁷ Там же. С. 352.

²⁸ Древняя Российская Вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений... СПб., 1773. Ч. 1. С. 6.

журнала, подвергается сомнению польза от просвещения россиян европейскими обычаями и художествами: «Кажется мне, — восклицает он в конце диалога, — что мудрые древние российские государи яко бы почувствовали, что введением в Россию наук и художеств наидрагоценное российское сокровище, нравы, погубятся безвозвратно; и потому лучше хотели подданных своих видеть в некоторых частях наук незнающими, но с добрыми нравами, людьми добродетельными, верными Богу, государю и отечеству».²⁹ В этих словах уже содержится тенденция к переоценке некоторых аспектов политики Петра I, повернувшего своими реформами историческое развитие России в качественно новое русло. Теперь, в новых условиях, лидер просветительски настроенного русского дворянства обращает внимание своих соотечественников к исконным ценностям отечественной старины, предвосхищая в некотором отношении те споры между славянофилами и западниками, которые развернутся в середине XIX столетия. Глубинные истоки этих споров восходят к XVIII веку и, в частности, к той полемике о свойствах национального характера россиян, которая имела место в журналах конца 1760-х—начала 1770-х годов.

---

²⁹ Сатирические журналы Н. И. Новикова / Редакция, вступ. статья П. Н. Беркова. М.: Л., 1951. С. 488.